

Ленин В.И. (Ушаков^{В.И.})

21.01.04.

Газета 2004 - 21 января 04, 4

на френче мертвого Ленина был приколот орден Красного Знамени, принадлежащий Кларе Цеткин

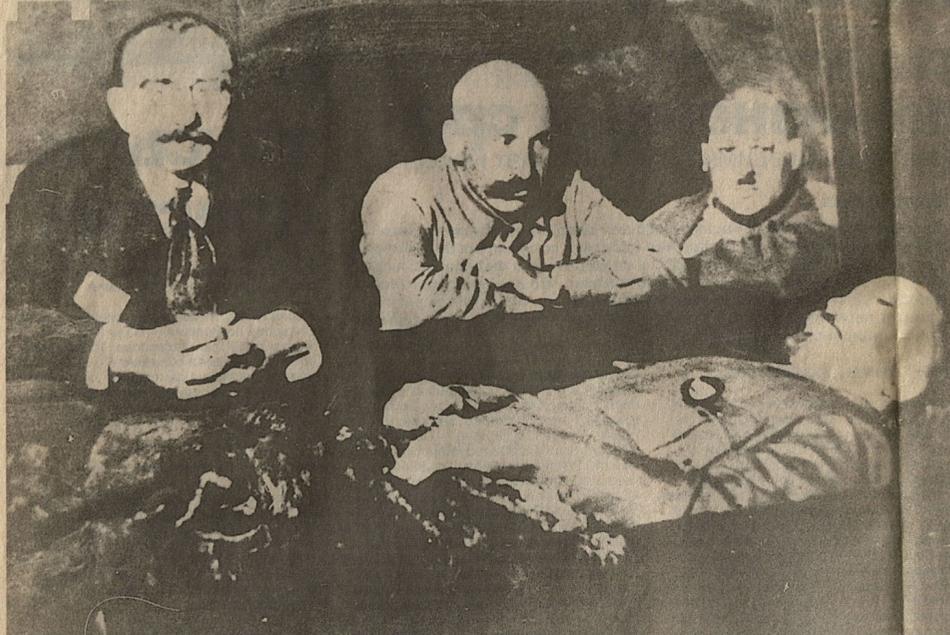

сегодня исполняется 80 лет со дня смерти
вождя мирового пролетариата

В России есть семья, история которой именно со дня смерти вождя непосредственно связана с ним. Точнее, с тем, что осталось после кончины. Обозреватель Газеты Наталья Гриднева встретилась с Ильей Збарским, сыном легендарного биохимика, который участвовал в бальзамировании тела Ленина. И сам Илья Борисович проработал в мавзолее В.И. Ленина почти 20 лет.

«внезапно настало какое-то потрясающее материальное благополучие»

Как вы узнали, что ваш отец занимается таким особенным делом — сохранением тела Ленина?
Когда Ленин умер, мне было 10 лет и я, конечно, в этом совершенно не разбирался. У отца были какие-то знакомые, они приходили к нам в дом, и эта смерть обсуждалась как огромное событие. Через несколько месяцев после этого отец принял участие в бальзамировании тела Ленина. ▶ СТР 04

Уникальная фотография. Профессор Владимир Воробьев, начальник охраны Ленина Абрам Беленский и секретарь Дзержинского Вениамин Герсон перед забальзамированным телом Ленина Фото из личного архива И. Збарского. Публикуется впервые

401 СТР Как-то специально мне об этом никто ничего не говорил, естественно. А вот когда они закончили бальзамирование (оно продолжалось 4 месяца), профессор Владимир Воробьев и мой отец получили довольно большие суммы денег. Помню, что внезапно настало какое-то потрясающее материальное благополучие. Я не очень понимал, откуда оно, но именно это и помню. Это было связано, очевидно, с тем, что работа была успешно закончена.

Кто поручил вашему отцу и профессору Воробьеву бальзамировать Ленина?
Вопрос о сохранении тела Ленина и увековечивании его памяти обсуждался на Политбюро и на специальной комиссии по похоронам, которая потом была преобразована в комиссию по увековечиванию его памяти. Председателем этой комиссии был Дзержинский. Уже через два дня после смерти Ленина Дзержинский высказал пожелание: «Если наука позволит, необходимо сохранить тело Ленина». Преедентов, так сказать, хранения тела с сохранением сходства тогда еще не было в мире. Это было рискованное дело. Никто за это не брался. Красин, старый большевик, он был членом этой комиссии, предложил заморозить Ленина. Ученые против этого возражали по целому ряду причин. Тем не менее Молотов и Дзержинский поддержали его, и было принято решение заморозить тело. В это время было опубликовано интервью профессора Абрикосова, который бальзамировал тело Ленина обычным способом, рассчитанным на короткое время хранения. Ему был задан вопрос: «Можно ли сохранить длительное время тело с сохранением сходства», он ответил: «Наука пока не знает таких способов». Харьковский профессор анатомии Воробьев это интервью прочел в газете и высказался, что многие анатомические препараты сохраняются десятилетия и что он думает, что этот метод можно применить и к целому телу. Это было немедленно сообщено Дзержинскому. Воробьева вызвали в Москву. На заседании комиссии профессор высказался в том духе, что сохранить тело возможно, но для этого нужно выполнить целый ряд специальных условий. Но все же было принято решение тело Ленина заморозить. Воробьев уехал к себе в Харьков и оставил письмо, в котором написал, что считает необходимым пропитать тело специальным раствором. В то время таких рефрижераторов, которые сейчас в каждом доме, не было, естественно. Поэтому в Германии было заказано специальное морозильное оборудование. Оно было примерно с дом размером, монтировалось

в Арсенальной башне Кремля, что за мавзолеем. Но оборудование запаздывало, а время шло. Начали появляться признаки некоторого разложения и высыхания.

Где в это время хранилось тело?

Было специальное первое мавзолей, там внизу была вырыта большая яма, там тело лежало в специальном гробу, накрытом стеклянной крышкой. Мавзолеем — это был деревянный куб, он простоял около 2 месяцев. Затем на этой базе построили там деревянный мавзолей по проекту Щусева, который был тогда же, в 1924, году возведен и простоял до 1929 года. После был построен гранитный мавзолей, тот, который мы видим сегодня. Оборудование из Германии не пришло вовремя, и тело стало разлагаться. Встал вопрос — как быть? Тогда вызвали Воробьева и поручили ему бальзамировать. Воробьев поставил несколько условий. Тело будет осмотрено специальной правительственной комиссией ученых, которая даст заключение о его состоянии до и после бальзамирования. Потребуется примерно 4 месяца для бальзамирования. И что он сможет по своему усмотрению выбирать монокристаллы, что будут доставлены необходимые реактивы. И затем, после бальзамирования, тело будет принято специальной комиссией, которая будет каждые пять лет его осматривать. Успехи были приняты. На дворе уже стоял март. Вот тогда-то Воробьев привлек профессора Карузина и моего отца. В том подземелье они и работали. Именно в это время Воробьев уже строили второй мавзолей по проекту архитектора Щусева. Дзержинский лично всем командовал и интересовался ходом работы.

«ему искусственные глаза были вставлены»

— Вы сейчас знаете, в чем именно заключался процесс бальзамирования? Процесс заключался в том, что был отмыт цинк и другие реактивы, при помощи которых профессор Абрикосов забальзамировал тело Ленина сначала, затем тело было обработано спиртом для удаления воды, после чего помещено в специальный раствор, который состоял из глицерина и уксуснокислого калия, долгое время пропитывались; были удалены пергаментные пятна уксусной кислотой и перекисью водорода. Ему искусственные глаза были вставлены, чтобы не было провалов в глазницах. Ведь, естественно, внутренние органы были удалены, мозг еще раньше был

зат — практически сразу после смерти. Была специальная комиссия, которая приняла тело и дала положительное заключение. Перед тем как сделать массовый доступ в мавзолей, тело было показано 1 августа, боюсь ошибиться, не то конгрессу Коминтерна, не то делегатам очередного какого-то съезда партии.

Сколько именно ваш отец получил за работу?

Насколько я помню, профессору Воробьеву дали 50 тысяч рублей, а отцу — 25. Дома мы этот денежный вопрос, конечно, не обсуждали, я только помню, что мы с отцом тогда много ходили по магазинам и покупали одежду.

Как ваш отец говорил о своей работе?

В общем, это не скрывалось, хотя сама работа была засекречена. То есть никогда не говорили о том, что именно они делали. Но то, что он там работал и принимал участие в бальзамировании, это я знал, естественно.

После того как бальзамирование было закончено, Воробьеву и моему отцу было поручено наблюдение за телом Ленина. Наблюдение заключалось в том, что требовался постоянный уход. Сам способ бальзамирования заключался в том, что требовалось пропитывание специальным раствором, и тело приходилось смачивать этим раствором, раз в год-полтора помещать в ванну. В 1934 году — через 10 лет — одно из решений комиссии выражалось в том, что нужно привлечь к работе более молодых сотрудников. Вот тогда ассистент Воробьева Синеельников и я были включены в эту группу. Так мы стали работать вместе с отцом.

Как вы в семье называли работу отца? То есть вроде того что: «Я работаю с трупом на объекте»?

Специально никакого названия в семье мы не использовали. Да и какие в те годы могли быть обсуждения такой темы?

А вы сами не обсуждали работу отца с одноклассниками, друзьями?

Нет, конечно. Такого вопроса и возникнуть не могло, чтобы прийти в школу и рассказать, что вот мой отец там работает.

Почему вы выбрали такую профессию и пошли по стопам своего отца? Как он к этому отнесся?

Профессия моего отца не имеет прямого отношения к бальзамированию. Он биохимик. Он был заместителем директора Института биохимии. Отец хотел, чтобы я по-

бегрмотность» — это не следует толковать как стремление к зарождению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность, следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего». Каждый сеанс длился около двух часов. Не помню, в связи с чем Ленин сказал еще одну фразу, которая удержалась в моей памяти: «Лозунг «Догнать и перегнать Америку» тоже не следует понимать буквально: всякий оптимизм должен быть разумным и иметь свои границы. Догнать и перегнать Америку — это означает прежде всего необходимость возможно скорее и всецельными мерами подогнать, разложить, разрушить ее экономическое и политическое равновесие, подточить его и, таким образом, раздробить ее силу и волю к сопротивлению. Только после этого мы сможем надеяться практически «догнать и перегнать» Соединенные Штаты и их цивилизацию. Революционер прежде всего должен быть реалистом». Ленин снова хитровато улыбулся: «Художник, конечно, тоже. Импрессионизм, кубизм, футуризм и всякие другие «измы» искажают искусство. Оно должно обойтись без «измов». Искусство должно быть реальным...»

... Меня пригласили писать его посмертный портрет через несколько месяцев после его смерти. Когда я ехал, то никак не мог представить, с чего же я буду писать — с трупа, с мумии, с тела? В обливаясь снаружи и неотопленном внутри «Института В.И. Ленина» (не путать с менее обливающимся, но столь же неотопленным в те годы московским «Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса») меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа во время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полноценным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к левому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смато и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из института и, надо думать, навсегда.

на френче мертвого Ленина был приколот орден Красного Знамени, принадлежащий Кларе Цеткин

могал ему в работе, и сам хотел специализироваться в этой области.

Почему вы попали в эту группу — это была какая-то протекция отца?
Воробьев и мой отец решили меня привлечь.

Помните, как в первый раз увидели тело?

Я помню, что, когда пришел в мавзолей, сначала было чувство некоего благоговения при виде Ленина, великого вождя, даже робость была. Но потом это стало рутинной работой.

«в эвакуации он был даже в лучшем состоянии, чем в Москве»

Я знаю, что во время войны тело Ленина было эвакуировано. Там ваша работа очень отличалась от московской?

Вскоре после начала войны было решено эвакуировать Ленина в Тюмень. 3 июля утром нам сказали, чтобы к 4 часам мы были готовы. Был подан специальный состав, в котором в отдельном вагоне находилось тело Ленина в специальном гробу. А в другом вагоне — сотрудники, которые за телом Ленина ухаживали, затем — охрана человек 40 кремлевских солдат с офицерами и необходимое оборудование и реактивы, которые были нужны в работе. Мы ехали в отдельном вагоне, но кто-то из нас постоянно дежурил у тела. Первое время в Тюмени тело так и хранили в том же вагоне, а потом открыли стационарное помещение. Это было здание сельскохозяйственного техникума. Оно было передано нам. Мы жили в том же здании и постоянно работали с телом Ленина. Большую часть времени он находился в специальной ванне, мы вынимали его из ванны, затем тщательно следили за его состоянием, устраняли мелкие дефекты, которые имелись. И он был даже в лучшем состоянии, чем в Москве.

Были ли у вас привилегии?

То время было очень тяжелое и голодное. А нас кормили более или менее прилично три раза в день, электричество не отключали, оно нужно было для работы. Так что по тем временам мы были в лучшем положении, чем другие.

Когда вы вернулись в Москву из эвакуации вместе с телом?

В конце марта 1945 года тело перевезли в Москву и сразу же его перенесли в мавзолей.

Говорят, что Ленина положили в мавзолей во френче, а потом переодели...

Да. Сначала это был френч, в котором он ходил в Горках. Ленин лежал в мавзолее во френче, на котором был прикреплен орден Красного Знамени. Известно, что при жизни он этого ордена не имел. Я слышал какую-то сомнительную историю, что некий участник Гражданской войны снял с себя и положил орден на тело Ленина во время панихиды. Но как мне рассказывал отец, когда проверил номер награды, оказалось, что это орден Клары Цеткин.

«с точки зрения науки эта работа не была мне интересна. так, рутинная»

Как закончилась работа вашего отца в мавзолее?

В 1952 году мой отец был арестован, 2 года сидел в тюрьме. Тогда же и меня отчислили из лаборатории. Я был без работы и без средств к существованию.

Всем интересно, что находится внутри мавзолея кроме зала с телом. Вы можете уже об этом сказать?

Когда вы входите в мавзолей, саркофаг находится в специальном зале, а по обе стороны от него расположены две огромные комнаты. В одной из этих комнат, которая слева, — там лаборатория, вся в кафеле. В ней и проводились в мое время всевозможные манипуляции с телом Ленина. Другая комната была правительственная, куда во время всяких парадов могли спускаться члены правительства и политбюро. Ежедневно работать с трупом довольно тяжело психологически. Как к этому можно привыкнуть? Некоторое время надо было привыкнуть. Но потом это становилось рутинной работой. Дело в том, что врачи и биологи работают с трупами в мединституте, проходят курс анатомии, поэтому имеют некоторую привычку в этом отношении. А Воробьев вообще анатом, так что он постоянно работал с телами.

После того как вы пришли в мавзолей, ваши друзья детства, однокурсники узнали, чем вы занимаетесь?
Я специально никогда этого не афишировал, естественно.

Ваша работа позволила вам познакомиться с сильными мира сего?

В какой-то мере нас приглашали на всякие парады на Красной площади, некоторые торжественные заседания. Приглашения билеты присылали. Было много ярких интересных событий. Например, по такому приглашению я присутствовал на процессе правотроцкистского блока — Рыков, Бухарин и еще человек двадцать. Можно сказать, что это было интересно.

Как вы сегодня оцениваете вашу тогдашнюю работу?

Это было ответственное поручение под некоторым страхом. Потому что если что-нибудь не удастся, то могли быть всякие большие неприятности. Кое-какая исследовательская работа, связанная с мавзолеем, но она не публиковалась, была закрыта. Трудно сказать, как сложилась бы судьба, если бы в моей жизни не было мавзолея. С точки зрения науки эта работа не была для меня интересной. Так, рутинная.

Позвольте в конце концов спросить ваше мнение о том, нужно ли захоронить тело Ленина?

Считаю, что его тело не должно быть предметом для поклонения. Конечно, из мавзолея его нужно вынести и похоронить.

Первый мавзолей был просто деревянным кубом Фото из личного архива И. Збарского

Деревянный мавзолей № 2, сооруженный по проекту архитектора Алексея Щусева

Профессор Владимир Воробьев (слева) придумал метод бальзамирования Ленина, а Борис Збарский был его ассистентом Фото из личного архива И. Збарского

«одно полушарие было здоровым, другое, как бы подвешенное к левому на тесемочке, — величиной не более грецкого ореха»

Юрий Анненков — художник, автор знаменитой серии портретов выдающихся личностей XX века. Сын народолюбца, дружившего с Лениным, он в первые годы революции сотрудничал с большевиками, был лично знаком с Лениным, писал его портреты. С 1924 года жил в эмиграции. В конце жизни написал воспоминания. Газета публикует несколько малоизвестных фрагментов из его книги «Дневник моих встреч».

3 апреля 1917 года я был на Финляндском вокзале в Петербурге в момент приезда Ленина из-за границы. Я видел, как сквозь бурлящую толпу Ленин выбрался на площадь перед вокзалом, вскарабкался на броневую машину и, протянув руку к «народным массам», обратился к ним со своей первой речью. Толпа ждала именно Ленина. Но — не я. В начале 1917 года я прочел «Капитал» Карла Маркса, книгу, которая все чаще становилась в центре политико-социальных споров. Я читал ее преимущественно в уборной, где она постоянно лежала на маленькой белой полочке, отнюдь не предназначенной для книг. В другое время мне было некогда: я занимался другими делами и читал другие книги. Шел юбилейный год: «Капитал» был впервые опубликован в Германии ровно полвека тому назад, в 1867 году. Марков текст казался настолько устаревшим, потерявшим реальную почву, что я читал его скорее как скучный роман, чем как книгу, претендовавшую на политическую и притом международную актуальность. Паровоз, раздававший Анну Каренину в 1873 году, уже не походил на локомотив, возвращавший Россию — сорок четыре года спустя, на деньги Вильгельма Второго, в запломбированном вагоне — Ленина и прочих «марксистов». Все социальные условия жизни с тех пор видоизменились и упорно продолжали меняться, прогрессировать, находить наиболее справедливые формы. Книга Маркса казалась мне уже анахронизмом. Вот почему «историческая» речь Ленина, произнесенная с крыши военного танка, меня мало инте-

ресовала. Я пришел на вокзал не из-за Ленина: я пришел встретить Бориса Викторовича Савинкова (автора «Они бледного»), который должен был приехать с тем же поездом. С трудом пробравшись сквозь площадь, Савинков и я, не дослушав ленинской речи, оказались на пустынной улице. С небольшими савинковскими чемоданчиками мы отравились в город пешком. Извозчиков не было. Так проскользнула моя встреча с Лениным. Вскоре мне удалось несколько раз увидеть Ленина на балконе особняка эмигрантской балерины Кшесинской, ставшего штаб-квартирой большевиков. Вокруг балкона собиралась разношерстная толпа, перед которой Ленин и неизменно мне тогда его соратники беспрерывно произносили пропагандные речи. Когда 18 июня 1917 года произошло первое большевистское вооруженное восстание против Временного правительства, мой отец, возмущенный, вынул из своего архива письма Ленина, разорвал их и на моих глазах бросил в зажженную печь.

...В 1917 году советская власть заказала мне портрет Ленина, и мне пришлось явиться в Кремль. Ленин был неразговорчив. Сеансы (у меня их было два) проходили в молчании. Ленин как бы забывал (а может быть, и действительно забывал) о моем присутствии, оставаясь, впрочем, довольно неподвижным, и только когда я просил его взглянуть на меня, неизменно улыбался. Вспомнив о ленинской статье «Восстание как искусство», я попробовал тоже заговорить об искусстве. «Я, знаете, в искусстве не силен», — сказал Ленин, вероятно позабыв о своей статье и о фразе Карла Маркса. — Искусство для меня это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дык, дык! — вырежем. За ненужностью. Впрочем, — добавил Ленин, улыбувшись, — вы уж об этом поговорите с Луначарским: большой специалист. У него там даже какие-то идеики...» Ленин снова углубился в исписанные листы бумаги, но потом, обернувшись ко мне, произнес: «Вообще к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «Ликвидировать